

«Русский мужик»:

О роли гендерных маркеров в национальной идентификации

Татьяна Рябова,
Екатерина Цалко

«Русские мужики сострадательнее, чем западные, относятся к чужому горю; они коллективисты и ценят мужское братство», - сказал один из участников интервью, проведенного нами летом 2010 года.¹ Это и другие подобные суждения показывают, что образ русского мужика становится фактором оценки, при этом не только русских мужчин, но и мужчин иных этнических, национальных и даже наднациональных сообществ.

Характеризуя образ русского мужика, оценивая степень его мужественности, информанты сравнивали его с другими моделями маскулинности, среди которых едва ли не первое место занимает образ европейского / западного мужчины.

«Европа», равно как и «Запад», представляют собой важные компоненты российской идентичности; на протяжении столетий отечественная мысль в лице славянофилов и западников, большевиков и евразийцев, либералов и консерваторов задавалась вопросом, является ли Россия европейской страной и должны ли мы стремиться стать частью Запада. Поэтому сравнение русского мужчины с западными не случайно.

Цель данной статьи — проанализировать образ «русского мужика» как фактор российско-европейских отношений. На материале проведенного нами интервью мы собираемся, во-первых, исследовать содержание, которое вкладываются в это понятие; во-вторых, показать его роль как различительного признака, участвующего в сравнении Своих и Чужих мужчин, в-третьих, выявить факторы популярности образа и его функции.

Согласно реляционной парадигме идентичности, начало которой возводят к работам Г. Тэджфела, коллективная идентичность представляет собой, в первую очередь, отношение между Своими и Чужими. Образы собственной группы и чужой группы не являются изолированными: репрезентации Своих и Чужих обуславливают друг друга². Границы между Своими и Чужими создаются при помощи особых маркеров, или диакритиков – элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (одежда, язык, стиль жизни и др.).³ Такими маркерами, «символическими пограничниками», могут выступать, как было исследовано в

¹ Эмпирической базой для анализа послужили материалы индивидуального интервью, проведенные нами летом 2010 года в городе Иваново (N=27). Объект исследования – жители города Иванова от 18 до 69 лет. Выборка квотная (квотируемый признак – пол и возраст респондентов). Интервью было полуструктурированным; для его проведения был разработан бланк обязательных вопросов, форма вопросов – открытая, порядок обсуждения вопросов – свободный.

² Henri Tajfel, *Social Identity and Intergroup Relations* (Cambridge; New York: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1982).

³ Frederik Barth, «Introduction», *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967.* ed. by F. Barth (Boston: Little, Brown, 1969), 9-38.

монографии Н. Юваль-Дэвис, и гендерные идентификаторы, включая образы Своих и Чужих мужчин и женщин, которые создает каждая нация⁴.

Гендерные идентификаторы не только помогают определить Своих и Чужих, но и вырабатывают систему оценок и предпочтений. Это находит выражение прежде всего в том, что, как установил Г.Тэджфел, оценки Своих и Чужих определяются принципом ингруппового фаворитизма. Как известно, одной из ведущих потребностей человека является стремление к позитивной идентичности, которая достигается путем сравнения индивидом собственной группы с аутгруппой. В результате этого сравнения аутгруппам атрибутируются чаще негативные качества, в то время как ингруппам – позитивные⁵. В случае использования гендерных идентификаторов, соответственно, гендерный порядок Своих репрезентируется в качестве нормы (Свои мужчины - самые мужественные, Свои женщины - самые женственные и так далее), в то время как гендерный порядок Чужих – в качестве девиации.

При этом следует учитывать одновременное существование в каждом обществе различных типов маскулинностей и фемининностей, определяемых различными социальными идентификаторами. Впервые эта идея была сформулирована Р. Коннеллом в виде тезиса о множественной маскулинности⁶. В каждой культуре, в различные исторические периоды существует своя иерархия типов маскулинности; в результате конкуренции определяется гегемонный тип маскулинности, который задает стандарты и образцы поведения. Ее доминирующая роль обеспечивается не только благодаря насилию, но и таким факторам культуры, как образование, религия, СМИ⁷. Конкуренция маскулинностей становится фактором внутренней борьбы; она активно включается и в международные отношения – особенно в условиях глобализации.

Изменения в России последних десяти лет во многом стали реакцией на демаскулинизацию 1990-х годов, в том числе и на утрату привлекательных образцов мужественности и женственности.⁸ Мужчина перестроечных и первых постперестроечных лет обвинялся в несостоятельности, инфантильности, зависимости от государства, общества и женщины. Этому способствовало несколько факторов, в том числе значительное снижение жизненного уровня подавляющего большинства наших соотечественников и внезапная потеря мужчиной статуса кормильца; на международной арене болезненным оказалась утрата страной статуса сверхдержавы. Демаскулинизация становится элементом публичного дискурса, одним из диагнозов, который ставится «больной России»⁹. Репрезентации России 2000-х годов как

⁴ Nira Yuval-Davis, *Gender and Nation* (London; Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1997), 23.

⁵ Tajfel, *Social Identity and Intergroup Relations*, 157-159.

⁶ Подробная история развития тезиса о множественной маскулинности см.: John Tosh, «Hegemonic Masculinity and the History of Gender», *Masculinities in Politics and War: Gendering Modern History*, ed. S. Dudink, K. Hagemann, J. Tosh. (Manchester; New York, 2004); Charlotte Hooper, *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics* (New York: Columbia University Press, 2001).

⁷ Robert W. Connell, *The Men and the Boys* (Berkeley: University of California Press), 10-12; Robert W. Connell, *Gender and power: society, the person and sexual politics* (Cambr. [Cambridgeshire]: Polity Press, 1987), 184-186; см. также: Hooper, *Manly States*, 34. Robert W. Connell, *Masculinities*. (Berkeley: University of California Press, 1995), 76.

⁸ Олег Рябов, «Россия-Матушка»: *Национализм, гендер, война в России XX века* (Stuttgart; Gannover: Ibidem, 2007), 219-233.

⁹ Подробнее о демаскулинизации России: Олег Рябов, Татьяна Рябова. «Россия поднимается с колен»: Ремаскулинизация и новая российская идентичность' В *Личность. Культура. Общество*, 250–257. Вып. 3-4 (42-43) (2008).

успешной страны предполагали и вовлечение гендерного дискурса. Ремаскулинизация России¹⁰ включала в себя, помимо атрибутирования стране маскулинных суверенности, силы, рациональности, создание успешных гендерных моделей, которые соответствовали бы идущим в обществе процессам.

Вначале имеет смысл отметить, что существует несколько интерпретаций слова «мужик». Согласно толковому словарю Ожегова, оно употребляется, во-первых, для обозначения статуса крестьянина, во-вторых, как маркер грубого невоспитанного человека и, в-третьих, как просторечное обозначение мужчины. Сегодня, очевидно, можно говорить и о четвертом значении: слово «мужик» начинает использоваться для обозначения национальной маскулинности, оно становится маркером наличия маскулинных качеств и приобретает оценочный характер.

На то, что модель «мужика» выстраивается как норма современной русской мужественности, впервые обратила внимание О. Шабурова. Она показала, что все грани образа мужика (коллективизм, патриотизм, «секс-удаль» и др.) прослеживаются в российской массовой культуре, в частности, в кино, в рекламе, в песенной поп-культуре (например, в творчестве группы «Любэ»¹¹). Мужик как канон национальной мужественности, что было подчеркнуто в лингвистических исследованиях, отражается и в языковых структурах современного русского языка.¹²

О. Рябов отметил противопоставление «мужика» образам западной маскулинности, высказав предположение, что подобное противопоставление выступает важнейшей чертой политик идентичности в России, корни которой можно обнаружить уже в оппозиции «западный рыцарь-русский богатырь», появляющейся во второй половине XIX века¹³.

Мужик становится и фигурой политического дискурса¹⁴. В работах Т. Рябовой на материалах социологических исследований показано, что образ не только используется, но и конструируется в политических технологиях. Власть принимает активное участие в производстве и продвижении этого типа маскулинности¹⁵. Современная политическая элита подстраивает себя под эту модель.¹⁶ Это происходит потому, что именно этот тип

¹⁰ Там же

¹¹ Ольга В. Шабурова, «Мужик не суетится, или пиво с характером», *О муже(N)ственности*. Под ред. С. Ушакина, 532-556. (М.: НЛЮ, 2002), Olga Saburova, «Мужик» как конструкт русской мужественности и его репрезентация в российской массовой культуре», *Vater Rhein und Mutter Wolga, Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland*. Herausg. Ed. Elisabeth Cheaure, Regina Nohejl und Antonia Napp, 485-496 (Ergon Verlag, 2005). 448, 487.

¹² Алла Кирилина, Мария Томская «Лингвистические гендерные исследования», *Отечественные записки*, № 2 (2005), http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html, Елена Гриценко. *Язык. Гендер. Дискурс* (Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005).

¹³ Олег В. Рябов, «Россия-Матушка», 127.

¹⁴ Татьяна Б. Рябова, «Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике» (Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008). См. также работу лингвиста Елена С. Гриценко, «Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе» *Journal of Eurasian Research*. Winter (2003), vol. 3, № 3, 71-79.

¹⁵ Татьяна Б. Рябова, *Пол власти*, 166-167.

¹⁶ Не случайно, одним из вариантов именованного для создававшегося осенью 1999 г. политического блока правящей элиты, наряду с утвержденным затем названием «Медведь» (Межрегиональное движение «Единство»), было название «Мужики» Юрий Шакиров, «Партия власти, 1993-2000 (Исторические корни Всероссийской. Политической партии «Единая Россия»)» (Новомосковск: Российский химико-технологический университет, 2009), 138.

мужественности оказался в наибольшей степени полезным для легитимации сегодняшней политической системы. Очевидно, каждый тип маскулинности воплощает определенные ценности и тем самым способствует укреплению или разрушению того или иного политического порядка.

Являясь продуктом уникальной для отечественной истории социально-политической ситуации и постмодернистских медиа-технологий, образ мужика в какой-то степени синтезирует либеральный и советский типы маскулинностей¹⁷. В основе данного типа лежат самостоятельность, экономическая независимость, уважение к частной собственности (в этом смысле «мужик» – антикоммунист). Вместе с тем, он далек и от стопроцентной поддержки либерализма, ценности которого интерпретируются как культ индивидуализма и эгоизма, между тем как товарищество, мужское братство – важнейшие составляющие образа «мужика». «Мужик» не разделяет и либеральные ценности политкорректности; сексизм и гомофобия в данной среде не считаются пороками. В отличие от воображаемого мужчины современного Запада «мужик» вынослив, крепок и силен; он говорит немного, но всегда отвечает за свои слова. Наконец, он является патриотом – предпочитает ценности отечественной культуры и выражает готовность защищать Родину.¹⁸

Понятие мужика активно используется в качестве оценочной категории для политиков — и журналистами, и избирателями, и самими политиками¹⁹. До сих пор, однако, не изучалось, как представлен образ «русского мужика» в общественном мнении. В связи с этим проведенные интервью фокусировались на следующих вопросах: Каково содержание данного образа? Какую оценку он получает? Какое участие он принимает в проведении внешних (с Западом) и внутренних (с другими этносами, составляющими российскую нацию) символическими границами? Какое участие он принимает в проведении политических границ, то есть в иерархизации политиков и политических сил?

Русский мужик: содержание понятия

Прежде всего, нас интересовало, какое содержание вкладывается участниками нашего интервью в понятие настоящего русского мужика. Среди названных информантами характеристик были, во-первых, те, которые традиционно входят в стереотип мужчины: мужественность, храбрость, решительность, сила, умение постоять за себя и семью, немногословность, финансовая состоятельность («может содержать себя и близких»), ответственность за семью (при этом женщины чаще подчеркивали то, что настоящий мужик – это «опора и поддержка женщины и всей семьи», а мужчины – то, что, обеспечивая семью, он «работает с утра до вечера» «и зарабатывает, и семью защищает»).

Следует, однако, подчеркнуть, что большинство информантов называли также качества, не соответствующие нормативной мужественности *per se*, но отвечающие национальным канонам маскулинности – доброту, способность быть надежным другом, открытость, «широкую душу». Атрибутами русского мужика являются также неприхотливость, выносливость, жизнестойкость, простота. Респонденты-мужчины делали особый акцент на таких характеристиках, как трудолюбие («мужик работает с утра до вечера», русский мужик –

¹⁷ Татьяна Рябова, Олег Рябов, «Настоящий мужчина российской политики? (К вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти)», *Полис*, №5 (2010).

¹⁸ Там же

¹⁹ Татьяна Рябова, *Пол власти*.

«работяга», «трудяга» и т.д.), Несколько участников интервью отметили, что русский мужик – патриот своей страны. Кроме того, довольно часто упоминалось его пристрастие к алкоголю.

Содержание исследуемого понятия мужика проясняют и ответы на вопросы, о том, что значит быть не-мужиком, что должен сделать мужчина, чтобы его перестали считать мужиком. О.Шабурова высказала предположение о роли негативной идентичности мужчины: чтобы стать мужчиной, нужно доказать что ты не женщина, не ребенок и не гомосексуалист.²⁰ Роль сексуальной ориентации подчеркивали большинство наших информантов; иногда потеря мужской сущности связывается и с другими девиациями. Приведем одно из таких суждений:

Если мужчина сменил пол, сексуальную ориентацию, если совершил дерзкое преступление против детей, беспомощных женщин и стариков – он не мужик. **Михаил** (24 года).

Мужчина теряет право считаться мужиком, если он покидает семью или не поддерживает ее в финансовом отношении («если бросит семью», «не содержит семью и не воспитывает детей», если «начнет дележ имущества», «ляжет на диван», «не зарабатывает денег»). Вполне предсказуемо, что все эти суждения принадлежат женщинам.

Нарушение важных моральных норм – еще одно основание для утраты «звания мужика». Не мужик тот, кто «совершит подлость», «украдет», «оговорит», «подведет (семью, друзей, коллегу)», если «слово не держит». Заслуживают внимания и следующие варианты ответа. Стать галантным по отношению к женщинам, «быть ухоженным», «выглядеть утонченно, в чистых ботиночках и выбритым» и даже «ходить в театр» - значит, перестать быть мужиком.

Мужик и мужчина

Наши собеседники часто заменяли понятие «мужик» понятием «мужчина», используя их как синонимы – оценивая российских мужчин, сравнивая их с западными и советскими. Однако традиционные образы мужика как грубого и необразованного, равно как и мужика-крестьянина также актуализировались в ходе интервью, но лишь при обсуждении вопроса о том, если ли различия между мужчинами и мужиками. Только два информанта заявили, что различия нет, за исключением того, что слово «мужчина» чуть более литературное. Остальные проводили границу между женщиной и мужиком. Для части интервьюируемых различия были связаны с атрибутами мужественности или с характером их проявления.

Мужчина - это половой признак, а мужик – это свойство характера. **Сергей, 22 года.**

Мужик – это примитивная форма мужчины. **Анна, 31 год**

Другие, объясняя различия мужчины и мужика, апеллировали к привычному, укорененному в многовековой традиции образу.

Мужик – это старое слово для тех, кто пахал. Мужчина – это слово современное. Мужчина зарабатывает головой, а не силой. Он - интеллигентный (например, это коммерсант или менеджер). **Максим, 27 лет.**

²⁰ Ольга Шабурова, «Мужик не суетится, или пиво с характером», 534.

Посмотрим подробнее на точку зрения тех, кто использовал в своих объяснениях характеристики, входящие в традиционный образ мужика. Что становится для них важным в этом образе?

Мужчина и мужик отличаются внешне (мужик простоват в одежде и неопрятен, а мужчина - это тот, «кто одет в костюмчик»; «если мужчина одет в костюм и галстук, его мужиком не назовешь») и манерами (настоящий мужчина – галантный, утонченный и интеллигентный, уважительно относится к людям, а мужик «груб и хамоват», «неотесан», «необразован», «деревенщина», «неинтеллигентен», «развязен»).

Примечательно, что информанты прямо упоминают социальный статус мужика или же характеристики, которые можно интерпретировать как указания на статусные характеристики (например: мужик – это «простолюдин»; «работяга»; «колхозник»; «деревенский»; «ассоциируется больше с рабочим классом»; «интеллигент, тот, который головой работает»). Участники интервью сочли необходимым перечислить и внешние атрибуты мужика, хотя прямой вопрос об этом не задавался. Мужик – «большой», «физически крепкий», «статный», несколько раз упоминался такой признак, как борода.

Один из информантов, 23-летний юноша, подчеркнул, что для него критериями мужика являются род занятий, форма досуга и физический облик. С его точки зрения молоденький лейтенант не может быть мужиком – «стат не хватает, силы и даже веса»²¹. А вот «батяня-комбат» – это мужик. Мужик – это Лебедь, Ельцин, Лукашенко, Янукович. Мужиком может быть военный, чиновник, слесарь, милиционер. Их легко представить в мужской компании в камуфляже с удочкой на берегу. «А вот инженер, или какой-нибудь ученый - пожалуй, не мужики».

Русский мужик: оценка

На первый взгляд, выглядит несколько странным, что при всех замечаниях о «грубости» и «неотесанности» мужика подавляющее большинство участников интервью на вопрос «А как бы Вы отнеслись к тому, если бы Вас (или Вашего мужа, друга) назвали ‘настоящим мужиком’», ответили, что они будут рады / будут гордиться / скажут «спасибо». «Хорошо отнесусь. Назвали, значит считают», – сказал мужчина 53 лет, который в своих ответах создал целый панегирик русскому мужику, «умному и трудолюбивому, который никогда не совершит подлость и который сострадателен к чужому горю».

Любопытно, что иногда предполагаемой оценке себя как настоящего мужика были рады и те немногие, кто, характеризуя мужика, давал ему негативную характеристику. Среди них был, например, 22-летний юноша, заявивший, что «мужик – это устаревшее понятие, под которым мы чаще понимаем огромного волосатого вонючего человека».

Очевидное противоречие не должно смущать – миф, тем более эмоционально предельно окрашенный национальный миф, не боится противоречий. Кроме того, разные образы мужика используются ситуативно. Вне контекста противопоставления «мужик - мужчина» из «культурного хранилища» как правило, извлекается образ современного русского мужика,

²¹ Специфику канонів телесності в Союзі та пострадянській Росії, підкреслила Е. Барабан. Вона показала, що «раздобрившие» тіла, надмірний вага і живіт могли сприйматися як знак влади, удачливості, могутності, мудрості, стабільності. Елена Барабан. «В меру упитанный и в полном расцвете сил», В *О муже(Н)ственности*. Под ред. С. А. Ушакина, 126-160 (Москва: НЛО, 2002).

который имеет позитивный знак оценки. Констатация соответствия этому образу выступает не просто похвалой, но своего рода удостоверением мужественности.

Негативное отношение выразили лишь три участника интервью. Так, одна из них, восемнадцатилетняя девушка, резюмирует свои сомнения следующим образом. «Мужиком можно назвать любого человека любой национальности – того, кто грубый и невоспитанный, кто пьет водку и ведет себя неподобающе». Еще одна информантка отдает должное выносливости, трудолюбию, жизнестойкости мужика, тем не менее ассоциирует его прежде всего с гармонью, лаптями, бородой и с отсутствием интеллигентности, поэтому она не хотела бы, чтобы ее близких мужчин называли мужиками.

«Русский мужик» или «российский мужик»?

В какой степени можно говорить в данном случае о норме маскулинности русской и в какой - о российской? Иначе говоря, мужик - это этнический маркер или же национальный? Только ли русского можно назвать «настоящим мужиком»? Можно ли назвать настоящим мужиком украинца, белоруса, татарина, кавказца и представителей других культурно-этнических общностей, составляющих российскую нацию?», - такие вопросы задавались информантам. Мы предполагали, что, образ, с одной стороны, исторически служил для обозначения русских, отличая их тем самым не только, скажем, от европейских народов, но и от других народов России.

Одна половина наших информантов высказалась за то, чтобы настоящим мужиком считать только русского (либо потому, что «так сложилось», либо потому, что «только русский обладает качествами настоящего мужика», а «кавказец не может обладать «широкой душой», «он не пьют и т.д.»), другая была уверена в том, что мужиком можно назвать мужчину любой национальности, если он обладает соответствующими характеристиками (кто «совершит геройский поступок», «проявляет качества мужика», «грубый и ведет себя невоспитанно»). Отдельно стоит упомянуть точку зрения нескольких респондентов, согласно которой мужиками можно считать представителей «братских народов» – русских, украинцев, белорусов («потому что у нас менталитеты схожи»), а также татар («потому что значимых различий между русскими и татарами нет»).

Россия и Запад

В значительно большей степени «мужик» маркирует внешнюю границу, отделяя Россию от Запада, поскольку создается в противовес репрезентациям в первую очередь западной маскулинности.

Точка зрения о том, что различий между русским и западным мужчиной нет, была высказана лишь дважды. В одном из этих случаев, 69-летняя женщина утверждала, что, если таковые и существуют, то они обусловлены лишь условиями жизни, изменение которых приводит к нивелировке особенностей. Подавляющее большинство участников интервью настаивали, что различия есть. Так называемые инструментальные качества, связанные с действием, обычно приписывались мужчинам западным. Они характеризовались как значительно более деловые / деловитые, хозяйственные, собранные, умеющие не только работать, но и зарабатывать деньги. Информанты сходятся во мнении, что русские им уступают, хотя и объясняют это по-разному. Одни считают, что русские «работать не рвутся», другие - русские трудолюбивы, но деньги для них не главное («на деньги не падки»). Западные мужчины «во всем более правильные», вежливые, ответственные, не идут напролом,

как русские» (Татьяна, 51 год), создал и внешний вид западного мужчины: «это бизнесмен, уважаемый, интеллигентный, опрятный и подтянутый».

Специфика национальной мужественности подчеркивается преимущественно через экспрессивные качества, связанные не с действием, а с межличностным общением. Участники интервью противопоставляли деловитости западных мужчин свойственные русским мужчинам доброту, искренность, широту души, душевность, эмоциональность, открытость, гостеприимство, хозяйственность и даже любовь к праздникам. В свете ценностей русской культуры эти качества, очевидно, являются позитивными.

Этой системе ценностей соответствует и то значение, которое приписывается чувству мужского братства, мужской дружбы, присущих русским мужчинам («за друга они пойдут в огонь и в воду» «подставят товарищам плечо»), готовность русских мужчин прийти на помощь - и не только друзьям, и никогда не отступят перед трудностями. Приведем одно из таких суждений полностью.

Русские мужики сострадательнее относятся к чужому горю; они - коллективисты и ценят мужского братство. Наш всегда пойдет в драку за любого, в битву, наши очень храбрые, они идут «напролом» *Андрей*, 23 года.

Несколько информантов подчеркнули смекалку русских мужчин («русские смекалисты», «у русских больше мозгов в голове, они добиваются успехов, доходя от низов до верхов»). Еще одно качество, которое участники интервью считают присущим именно «мужикам» - патриотизм («русские - гораздо большие патриоты»)²².

Пристрастие к спиртному также постоянно появляется как маркер отличий («у русских пристрастие к алкоголю в крови», «русский мужик - 'наливай и пей'»). При этом, заметим, при обсуждении качеств русского мужика вне контекста сравнения с западным мужчиной злоупотребление алкоголем упоминалось значительно реже²³. Рискнем высказать предположение, что данная характеристика расценивается как амбивалентная, как не только порок, но и в какой-то степени продолжение достоинств — душевности, открытости, отсутствия излишней заботы о материальных благах.

Таким образом, ингрупповой фаворитизм в оценке русских мужчин интервьюируемыми обнаруживает себя вполне отчетливо; иногда в крайней форме («наши во всем лучше их»), но чаще информанты были готовы признать и преимущества западных мужчин. Русские мужчины в меньшей степени экономически активны и уступают западным в способности обеспечить семью. Заметим, что вне контекста подобного сравнения участники интервью подчеркивали финансовую независимость соотечественников и их способность обеспечивать семью.

²² Данные настоящего интервью подтверждают результаты нашего анкетного опроса в г. Иваново (2009), в котором респонденты сравнивали мужчин русских и европейцев. Русских характеризовали как более сильных, чем европейцев (соответственно 58,2 % и 5,5 %), и выносливых (60 % и 3,6 %), добрых (40 % и 12,7%), ленивых (43,6% и 10,9%) и злоупотребляющих алкоголем (50,9% и 1,8%). Европейцу в большей степени, чем русскому, приписывают такие черты, как успешность (соответственно 60,0% и 7,3 %), уверенность в себе (49,1% и 20 %), расчетливость (49,1% и 5,5 %), высокомерие (36,4 % и 20%). Екатерина О.Цалко, Татьяна Б. Рябова, «Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов: (по результатам социологического исследования)», *Женщина в российском обществе*. № 2 (2010), С.61-62.

²³ Аналогичные результаты мы получили в ходе анкетного опроса в 2007 г. Татьяна Б. Рябова, *Пол власти*, 51-52,

Неоднократно наши собеседники упрекали русских мужчин за меньшую образованность и интеллигентность, иногда - за недостаток манер и стиля (хотя с точки зрения некоторых из них, «простота русских – это не только минус, но и плюс»). Один из информантов обвинил русских мужчин за то, что они не умеют организовать свой досуг. Отметим также, что значительная часть опрашиваемых, прежде всего женщин, назвало отношение русских мужчин к женщинам неуважительным и негалантным.

Интервьюируемые женщины отмечали, что, в отличие от западных, они относятся к женщинам как к собственности, не галантны, не умеют с ними обходительно, «по-джентльменски» обращаться, «ведут себя грубо и неотесанно» и даже «жестко». Однако при этом в мужике видят опору не только для семьи, но и для женщины: он «кормилец», «защитник», «опора и поддержка», мужик - это тот, кто заботится, уважает и любит». Информанты-мужчины по большей части ограничивались констатацией функции мужика как кормильца и защитника. Лишь один из них отметил характеристику, выходящую за традиционные пределы этого образа - в отношении к женщине для мужика важно понимание.

Русский мужик и советский мужчина

Говоря о роли Чужих в создании новой российской идентичности, едва ли возможно ограничиваться «воображаемым Западом». Политики идентичности включают в себя также противопоставление современной русскости и советскости (при всех оговорках, что Россия 2000-х в отличие от России 1990-х годов пытается найти с советским прошлым и общие черты). Рискнем высказать предположение, что сами перестроечные и постперестроечные перемены были бы невозможны без создания образа социализма как гендерной девиации (взять хотя бы «у нас секса нет»²⁴ или образ бабы с отбойным молотком). Репрезентации советских мужчин как инфантильных пьяниц, неспособных прокормить семью, занимали здесь не последнее место.²⁵ В какой степени подобные негативные представления сохранились сегодня?

Информанты неоднократно указывали на то, что по сравнению с советскими, современным русским мужчинам присущ индивидуализм; они могут больше добиться, поскольку «у них больше прав и свобод»; они стали менее идейными, но более умными; больше разбираются в бизнесе и политике; более общительные.

Однако следует отметить, что значительная часть такого рода репрезентаций современников русских мужчин включает в себе негативную оценку («они индивидуалисты – каждый сам за себя») или сопровождаются нелестными характеристиками («меркантильные», «слабохарактерные», «развязные», «пьющие», «деградированные» и др.). Интересно, что советский мужчина вопреки ожиданиям практически не характеризовался в негативном ключе. Возможно, это связано с отмеченной «мягкой реабилитацией» советского прошлого в

²⁴ Tatiana Riabova, Oleg Riabov. '«U nas seksa net»: Gender, Identity, and Anticommunist Discourse in Russia' In *State, Politics, and Society: Issues and Problems within Post-Soviet Development*. ed. by A. Markarov (Iowa City, 2002).

²⁵ См. подробнее: Татьяна Б. Рябова, Олег В. Рябов, «Настоящий мужчина российской политики?». Кэтрин Вердери отмечала, что в период перестройки свидетельством «противоестественности» социализма не в последнюю очередь называли то, что он, искажая должные отношения между полами, порождает в мужчине инфантильность; основу же маскулинности начали видеть в частной собственности и сопутствующих ей независимости, ответственности, самостоятельности. Katherine Verdery, «From Parent-State to Family Patriarchs: Gender and Nation in Contemporary Eastern Europe», *East European Politics and Societies*, 8, 2, Spring (1994), 250–255. Татьяна Б. Рябова, Олег В. Рябов, «Настоящий мужчина российской политики».

политиках идентичности современной России. Что касается активности в экономической сфере, то информанты (прежде всего те, кто имел опыт жизни и работы в СССР) подчеркивали, что это вина не столько советского человека, сколько государства. По мнению участников интервью, советский мужчина был ответственным, скромным и честным, защитником слабых. Если сейчас каждый сам за себя, то советские мужчины были дружными и сплоченными. Они, как подчеркнули несколько опрошенных, с большим уважением относились к женщинам и были романтиками по сравнению с современными «развязными» и «приземленными» мужчинами. Наконец, один участник интервью отметил, что советские мужчины «проще».

Приведем полностью один ответ, в котором пятидесятилетний мужчина фактически отождествляет подлинную русскость с советскостью, а современную русскость расценивает, скорее, как нечто чужеродное, западное.

Русский мужчина не рвется зарабатывать деньги как западный - и в этом уступает ему. Превосходит он тем, что сострадательнее относится к чужому горю, он - коллективист, ценит мужское братство.

Разница между советским и современными мужчинами такая же, как между современным русским и западными. Современные более нацелены на деньги, чем советские, так же, как и западные по сравнению с русскими.

Мужиков сейчас можно поделить на советских и на тех, кто хочет походить на западных.

Сергей, 53 года

Следует заметить, что информанты в возрасте до 30 лет испытывали больше затруднений при ответе на этот вопрос, имея менее четкий образ советского мужчины. Суждения восемнадцатилетней девушки о том, что «советский мужчина жил в условиях, когда невозможно было чего-то добиться», выглядят достаточно типичными для этой возрастной группы.

Мужики политического Олимпа

Для уточнения интерпретации информантами понятия мы предложили им оценить степень соответствия канонам «настоящего мужика» ряда известных персон политического бомонда.

Наиболее заметные носители гегемонной маскулинности далеко не всегда являются наиболее могущественными людьми; в роли своеобразного образца, легитимирующего гендерную иерархию, могут выступать, например, звезды спорта, а также киноактеры или их герои²⁶. В случае же современной России, вероятно, имеет смысл отметить особую значимость в формировании эталонной мужественности политических лидеров.

Мы просили оценить - четырех российских президентов (М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Путина и Д. Медведева). Затруднился ответить на этот вопрос лишь один респондент, в то время как остальные уверенно рассуждали о степени мужественности того или иного политика. При этом категория мужика становится оценочной и по отношению к политикам. В этом контексте понятным становятся высказывания участников интервью о том, что есть президенты – мужики (в качестве таковых чаще всего назывался В. Путин и, реже, Б. Ельцин), есть - не мужики, что, безусловно, плохо, а есть те, кто должен быть мужиком, но пока им не

²⁶ Robert W. Connell, *Masculinities*, 77.

является (в этом качестве чаще появлялась фамилия действующего президента: «пока не дотягивает до настоящего мужика», «пока еще ничего не сделал», «еще не мужик»).

Интерес представляет не только сам выбор, но и его обоснование. Участники интервью ссылались прежде всего на наличие / отсутствие у политиков инструментальных качеств, или качеств действия, которые входят в традиционный стереотип мужчины.

Мужик – это Путин. Он — мудрый, смелый, сильный и энергичный. *Татьяна, 51 год.*

Путин – мужик, так как он и политик, и защитник²⁷. А другие – нет. *Елена, 43 года.*

Путин выполняет обещанное, он тверд и решителен. *Антонина, 69 лет.*

Путин – мужик, так как за его правление страна поднялась. *Максим, 27 лет.*

Горбачев – не мужик («слабый», «тряпка», «подкаблучник», «говорил много, но ничего не делал», его «отличало словоблудие»). Ельцин – не мужик – его поведение было очень часто совсем немужским..

Медведев – не мужик, «рохля», «только говорит», «одни слова», *Ирина, 29 лет.*

Путин не подходит, он слишком разговорчив. *Максим, 23 года.*

Помимо инструментальных качеств, критерием выбора становятся их предполагаемые моральные качества (Горбачев и Ельцин – не настоящие русские мужики, так как из-за них «людей танками давили»), идеологические убеждения («Горбачев не подходит, потому что он был реформатором, а, по моему мнению, русский мужик он консерватор»), внешний вид («и у Путина и Медведева внешний вид неподходящий» «Ельцин выглядел внешне как русский мужик»). Заметим, что политические пристрастия становятся для информантов критерием мужественности не только политиков, но и избирателей. Например, одна из интервьюируемых указала, что настоящие мужики не будут поддерживать коммунистов и либералов.

В оценке политических лидеров находит свое отражение и отмеченная выше тенденция противопоставления русских и западных мужчин. Так, один из участников интервью лишает В.Путина и Д.Медведева права называться настоящими русскими мужиками на основании того, что они, по его мнению, «слишком деловые, расчетливые, правильные».

Наши собеседники порой апеллировали и к традиционному образу мужика, прежде всего в характеристиках Ельцина: как положительных, так и отрицательных. «Ельцин – мужик, он проще», «Путин и Медведев скорее мужчины, нежели мужики, они более интеллигентные и гибкие».

То, что чаще всего информанты выбирали Путина, не стало неожиданностью. Эти данные подтверждаются и результатами других социологических исследований.²⁸ Заметим, этот маркер используют не только избиратели, но также журналисты и сами политики.²⁹

Отвечая на вопрос, почему это происходит, заметим, что представления о мужественности и женственности активно используются в технологиях легитимации власти и, следовательно,

²⁷ Интересно, что в упомянутом анкетном опросе часть респондентов (5,8 %) также была убеждена в связи мужественности и власти, например: «Путин – настоящий мужчина, потому что он президент».

²⁸ Данные всероссийских исследований см., напр: <http://www.regnum.ru/news/1231490.html>; Аналогичными оказались и данные упоминавшегося анкетного опроса (Иваново, 2007). В ответ на нашу просьбу указать «настоящего мужчину» современной российской политики, около половины респондентов (44,8 %) назвали Путина; за ним с большим отрывом следовали Сергей Иванов, Владимир Жириновский, Сергей Шойгу, Дмитрий Медведев – тогда вице-премьер (соответственно 5,8; 5; 4,8 и 3,5 %). Татьяна Рябова, *Пол власти*, 127-128.

²⁹ См. примеры в: Татьяна Б. Рябова, «Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: история и современность», *Женщина в российском обществе* № 4 (2000), 47-53; Татьяна Б. Рябова, «Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества», *Гендерные исследования*, № 11 (1/2004), 207-226; Татьяна Б. Рябова, «Пол власти».

они могут выступать в качестве ресурса власти. Образ мужика, как уже говорилось выше, оказался типом маскулинности, который в наибольшей степени соответствует новому социально-экономическому режиму как в аспекте легитимации социально-политической системы, так и во внешнеполитической риторике.³⁰ Этот тип, очевидно, становится в России типом гегемонной маскулинности.

Образ Путина формируется за счет различных дискурсивных практик, одной из которых является национализация маскулинности за счет создания образа мужика.³¹ Примечательно, что первоначально имидж Путина строился как альтернативный образу Б.Ельцина (сторонники которого активно эксплуатировали национальный фактор), соответствуя, скорее, западным канонам маскулинности: рациональный, практичный и сухой менеджер с военным прошлым, равнодушный к алкоголю и т. д. Но вскоре имидж В.Путина все более приближается к национальным канонам маскулинности. Он становится для россиян «своим мужиком, с которым хорошо было бы сходить на футбол или пропустить пару кружек пива»³². Способы коммуникации В.Путина в последние годы, в частности «использование простой и доступной лексики»³³ еще более приблизили его стиль к образу «мужика».³⁴

Как уже отмечалось, участники интервью отмечали особое пристрастие русских к алкоголю. При этом, с одной стороны, это становится едва ли не главным признаком русского мужика («Ельцин пил, как настоящий русский мужик», «Ельцин мужик, так как любил выпить»). С другой, на основании именно этого признака, информанты (чаще женщины) лишают политика права называться мужиком («Ельцина нельзя назвать настоящим мужиком. Он – пьяница, а не мужик»). Причина такого противоречия, на наш взгляд, коренится, опять же, в том, что здесь идет параллельная эксплуатация двух образов мужика, и обращение к ним происходит ситуативно.

Вместе с тем и абсолютное трезвенничество не поддерживается, поэтому любопытны те коррективы которые были внесены в имидж Путина за годы его президентства. Если сначала подчеркивалось, что В.Путин предпочитает спиртному воду³⁵, то впоследствии избирателей проинформировали, что президент иногда не прочь посидеть с кружкой хорошего пива. Из интервью президента накануне выборов 2004 г. становится ясно, что он не отказывается и от других алкогольных напитков, хотя «знает меру»³⁶.

В срезе общественного мнения, представленном в нашем интервью, нашла свое отражение и еще одна важная характеристика маскулинности - ее связь с военной сферой. Как известно, образ воина соотносится с образом настоящего мужчины, во-первых, и с поэтикой власти, во-

³⁰ См. подробнее Татьяна Б. Рябова, Олег В. Рябов, «Настоящий мужчина российской политики? (К вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти)» // *Полис*, № 5 (2010).

³¹ Татьяна Рябова, *Пол власти*, Гл.3

³² Артем Кречетников, «Россияне увидели президента с голым торсом», *BBC Russian.com*, 22.08.2007, http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/russia/newsid_6958000/6958798.stm

³³ Татьяна Н. Пищева, «Образы политиков: особенности коммуникаций и барьеры восприятия», *Психология восприятия власти*. Под ред. Елены Б. Шестопал (М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2002), 210.

³⁴ Татьяна Рябова, Олег Рябов, «Настоящий мужчина российской политики?»

³⁵ Александр Гольц, Дмитрий Пинскер, «Господин без гарантий», *Итоги*, 7 Марта, 2000.

³⁶ Александр Гамов, Лариса Кафтан, «Президент РФ Владимир Путин: Почему Ельцин выбрал меня, остается большой загадкой», *Комсомольская правда*, 13 марта, 2004.

вторых.³⁷ Репрезентации военной компетентности политиков всех рангов призваны демонстрировать силу, мужество, решительность, смелость, если таковая имеется и служат обоснованием их притязаний на власть³⁸. При обсуждении вопроса о том, является ли тот или иной политик мужиком, тема армии³⁹ (равно как и спорта, функции которого, во многом схожи с функциями армии) постоянно всплывала.

Путин – мужик, так как он был военным, а в армии воспитывают настоящих мужиков. *Сергей*, 22 года.

Путин – мужик, так как плавал на подлодке, летал на МИГе, занимается дзюдо, ездит на лыжах. *Сергей*, 53 года.

Потому что Путин спортивный, сильный и многого добившийся. *Андрей*, 23 года.

Подведем итоги. Мы ставили себе цель методом интервью верифицировать ряд идей, которые были предложены исследователями. В результате выяснилось, во-первых, что образ мужика выступает в глазах информантов в качестве важного маркера, отделяющего Россию от Запада. Информанты противопоставляли русского мужика западному, наделяя последнего в большей степени традиционными, инструментальными, качествами, между тем как первого – экспрессивными. При этом, однако, главная оценочная характеристика мужчины – «мужественность» – очевидно, в большей степени приписываются соотечественникам, что определяет позитивную оценку ингруппы. Различия русского мужика и западного мужчины, что примечательно, соответствуют тем различиям, которые, как правило, упоминаются и в русском, и в западном дискурсе при описании России и Запада.⁴⁰

Мы отметили, что образ мужика выступает гендерным идентификатором, отделяя сегодняшнюю страну от Запада и играя тем самым важную роль в конструировании постсоветской идентичности. Другим Чужим, с которым необходимо выстроить символические границы, является советское прошлое, и мужика изображают как отличающегося и от советского мужчины (хотя в данном случае можно говорить и о значительном сходстве, что может быть объяснено известной ностальгией по советскому, существующей как в общественном сознании, так и в идеологии).

Пока менее очевидна роль в проведении внутренних границ России – прежде всего, этнических. «Мужик» – это в первую очередь маркер русских, хотя и по отношению к другим россиянам (прежде всего, славянам) такая характеристика допускается; в этой перспективе данный образ не представляет собой вызова «российскости» как основному идентифицирующему дискурсу России 2000-х.

Отношение информантов к представителям политической элиты показало, что понятие мужика и здесь выполняет оценочную функцию. Высокий рейтинг В. Путина коррелируется с характеристикой его как мужчины (это показывает и другие проведенные исследования).

Данный образ является важным элементом современной России, оказывая влияние на ее политический и социальный порядок, принимая участие в производстве не только гендерных,

³⁷ Robert W. Connell, *Gender* (Cambridge: Blackwell Publishers, 2002); Joshua S. Goldstein, *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001); Hooper, *Manly States*, (New York: Columbia University Press, 2001), 81. Олег В. Рябов, «Россия-Матушка».

³⁸ О значимости военных репрезентаций в имидже политиков см. Рябова, *Пол власти*,

³⁹ См подробнее Рябова, *Пол власти*,

⁴⁰ См. подробнее: Рябов, *Россия-матушка*,

но и политических иерархий и границ. Очевидно, это дает основание считать «мужика» типом гегемонной маскулинности российского общества 2000-х. Гегемонной – но не единственной: маскулинность представляет собой поле конкурирующих дискурсов. Модель «мужика» далеко не у всех вызывает восторг, что очевидно и в некоторых суждениях, высказанных в ходе интервью. Приведем также выдержку из интервью шефа-редактора российской версии «Плейбоя» А.Троицкого, озаглавленного «Я считаю, что ‘настоящий русский мужик’ должен вымереть». В нем он выразил надежду, что на смену русскому мужику в России придет поколение современных мужчин – «чистых, опрятных, умных, романтических и уважающих женщин»: «Я ненавижу формат ‘настоящего мужика’, такого русского мифа о нем. В моем представлении ‘настоящий мужик’ – это заплывшее гнусное существо из рекламы пива ‘Толстяк’. ‘Настоящий русский мужик’ много бухает, любит подраться, а к женщинам относится со смешанным чувством презрения и боязни...»⁴¹. Дискурс о «мужике» имеет и международное измерение. В статье «Зверь в маменькином сыночке» немецкий журналист пишет о «массивном и непредсказуемом» медведе как символе русского мужика⁴². Французские газеты «Liberation» и «Figaro» пишут о примитивных русских мужчинах, инфантильных мачо-алкоголиках⁴³. Таким образом, и в западном дискурсе образ мужика выступает в роли важного маркера. Но это тема отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабан, Е. «В меру упитанный и в полном расцвете сил», В *О муже(N)ственности*. Под ред. С. А. Ушакина, 126-160. Москва: НЛЮ, 2002.
2. Гриценко, Е. Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе, *Journal of Eurasian Research*. Vol. 3, № 3, 71-79 (Winter 2003).
3. Гриценко, Е. *Язык. Гендер. Дискурс*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005.
4. Кирилина, Алла, Томская, Мария. «Лингвистические гендерные исследования», *Отечественные записки*, № 2 (2005). http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html.
5. Пищева, Татьяна. «Образы политиков: особенности коммуникаций и барьеры восприятия», В *Психология восприятия власти*. Под ред. Елены Шестопаля, 195-216. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2002.
6. *Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость*. Под ред. Олега Рябова. Материалы междунар. науч. конф., Иваново-Плес, 15-16 мая 2008 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008.
7. Рябов, Олег. *«Россия-Матушка»: Национализм, гендер, война в России XX века*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2007.

⁴¹ Артемий Троицкий, «Я считаю, что «настоящий русский мужик» должен вымереть», Доступ: <http://www.slou.ru/articles/238959/>.

⁴² «Зверь» в маменькином сыночке. *Die Zeit*, 8 марта, 2007, <http://www.inosmi.ru/translation/237074.html>.

⁴³ «Праздник исчезающего вида – русского мужчины», *Le Figaro*, 2 марта, 2006, <http://www.inosmi.ru/translation/225864.html>. «Новый русский мужчина ищет признания», *Liberation*, 22 февраля, 2006, <http://www.inosmi.ru/translation/225728.html>.

Europe-Russia: Contexts/Discourses/Images

8. Рябов, Олег, Рябова, Татьяна. «Россия поднимается с колен»: Ремаскулинизация и новая российская идентичность» В *Личность. Культура. Общество*. Вып. 3-4 (42-43) (2008).
9. Рябова, Татьяна. «Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: история и современность», *Женщина в российском обществе* № 4 (2000), 47-53.
10. Рябова, Татьяна. Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества, *Гендерные исследования*, № 11(2004), 207-226.
11. Рябова, Татьяна. *Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике*. Иваново: Ивановский госуниверситет, 2008.
12. Рябова, Татьяна, Рябов, Олег. «Настоящий мужчина российской политики? (К вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти)», *Полис*, №5 (2010)
13. Троицкий, Артемий. *Я считаю, что «настоящий русский мужик» должен вымереть*, [http://www.slон.ru/articles/238959/](http://www.slون.ru/articles/238959/)
14. Шабурова, Ольга. «Мужик не суетится, или пиво с характером», В *О муже(N)ственности*. Под ред. С.Ушакина, 532-556. М.: НЛЮ, 2002,
15. Шакиров, Юрий. *Партия власти, 1993-2000 (Исторические корни Всероссийской. Политической партии «Единая Россия»)*. Новомосковск: Российский химико-технологический университет, 2009.
16. Цалко, Екатерина, Рябова, Татьяна, «Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов: (по результатам социологического исследования)», *Женщина в российском обществе*, 57-65. № 2 (2010).
17. Connell, Robert W. *Gender*. Cambridge: Blackwell Publishers, 2002.
18. Connell, Robert W. *Masculinities*. Berkeley: University of California Press, 1995.
19. Connell, Robert W. *The Men and the Boys*. Berkeley: University of California Press, 2000.
20. Cohn, Carol. «Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War». In *Gendering War Talk*, edited by Miriam Cooke and Angela Woollacott, 227-46. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
21. Goldstein, Joshua S. *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
22. Hooper, Charlotte. *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics*. New York: Columbia University Press, 2001.
23. Jeffords, Susan. *Hard Bodies: Hollywood Masculinity in the Reagan Era*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1994.
24. Jeffords, Susan. *The Remasculinization of America: Gender and the Vietnam War*. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
25. Niva, Steven. «Tough and Tender: New World Order Masculinity and the Gulf War», In *The «Man» Question in International Relations*. Edited by Marysia Zalewski and Jane Parpart, 109-128. Boulder, Colo.: Westview Press, 1998.
26. MacKinnon, Kenneth. *Representing Men: Maleness and Masculinity in the Media*. L.: Arnold, 2003.
27. Saburova, Olga. «'Мужик' как конструкт русской мужественности и его репрезентация в российской массовой культуре». in *Vater Rhein und Mutter Wolga, Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Herausg.* Ed. Elisabeth Cheaure, Regina Nohejl und Antonia Napp. Ergon Verlag, 2005.
28. Said, Edward W., *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
29. Tajfel, Henri. *Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge univ. press; Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1982.
30. Tosh, John «Hegemonic Masculinity and the History of Gender». In *Masculinities in Politics and War: Gendering Modern History*, ed. by S. Dudink, K. Hagemann, J. Tosh, 41-58 (Manchester; New York, 2004).
31. Verdery, Katherine. From Parent-State to Family Patriarchs: Gender and Nation in Contemporary Eastern Europe, *East European Politics and Societies*, 8, 2, Spring, 1994, 225-255.
32. Yuval-Davis, Nira. *Gender and Nation*. L. and Thousand Oaks: Sage Publications, 1997.